

И.Г. Широбоков

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

Палеодемография русского населения Сибири и европейской России в XVII-XIX вв.

В течение 2018-2020 гг. автором собирались все доступные палеодемографические данные, характеризующие население России в XVII-XIX вв. Часть привлеченных к анализу материалов представлена опубликованными данными, часть заимствована из археологических отчетов, хранящихся в архиве ИА РАН, часть происходит из личных архивов автора и коллег, любезно согласившихся поделиться информацией. К настоящему времени база данных включает в себя информацию об основных палеодемографических показателях 76 скелетных серий, суммарно включающих половозрастные определения 19 тысяч человек. База находится в свободном для читателей доступе на сайте: <https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov>

Большая часть серий – 58 выборки – относится к европейской части России, еще 18 серий происходит с территории Урала и Сибири. На первый взгляд кажется, что этих материалов достаточно для изучения региональных различий между демографическими характеристиками населения рассматриваемого периода. Этот вопрос является тем более актуальным, что до сих пор отсутствуют какие-либо обобщающие работы по исторической демографии всего русского населения Сибири XVII-XIX столетия, а для европейской России более-менее надежные сведения имеются только для второй половины XIX века.

Проблема заключается в том, что палеодемографические данные не могут быть напрямую сопоставлены с данными исторической демографии. Между ними существуют серьезные различия, объясняемые главным образом плохой сохранностью останков детей, а также систематической ошибкой определения возраста, вследствие которой в сериях существенно занижается процент пожилых людей [Широбоков, 2019]. Характеристики серий, вероятно, сравнимы между собой, но только при условии отсутствия систематических различий между исследователями в методике половозрастных определений.

Более существенная проблема состоит в том, что в рассматриваемом случае в анализе, по-видимому, не могут быть корректно использованы не только стандартные таблицы смертности (стационарная модель здесь очевидно неприменима), но и модели, учитывающие некоторую вероятную скорость естественного прироста популяции. Палеодемографические данные основаны преимущественно на материалах раскопок городских кладбищ. Изменение демографической картины в российских городах XVII-XIX вв. носило нелинейный характер, а кроме того, на нее существенно влиял миграционный фактор, роль которого в течение рассматриваемого периода только возрастала [Брук, Кабузан, 1982].

Между тем, большинство скелетных серий, половозрастные определения которых положены в основу расчетов палеодемографических показателей, происходит из частично раскопанных погребальных памятников, и при этом – что значительно хуже – имеющих относительно широкую датировку. Потенциально высокая информативность скелетных серий серьезно снижается из-за невозможности выделить в них подгруппы, составляющие некоторую хронологическую последовательность. Например, мы можем получить таблицы половозрастного распределения умерших в Вологде на период XVI-XVII вв., но что именно они будут выражать? Массовую гибель людей в результате пожара 1525 года или разорение города в Смутное время, демографический рост в середине и последней четверти XVII в., или убыль населения в результате эпидемий 1571 и 1654-55 гг. [Кукушкин, 2002; Черкасова, 2003]? Характеристика, полученная на материалах нескольких столетий, вряд ли может считаться даже «средней арифметической» разных демографических этапов, так как нет уверенности, что каждый из периодов представлен пропорциональным объемом данных.

Частично решить эту проблему позволил следующий подход. Палеодемографические показатели рассчитывались не для отдельных выборок, а для шести полувековых периодов, приходящихся на XVII-XIX вв. Характеристика каждого периода определялась отдельно для

населения европейской части и Сибири путем усреднения со взвешиванием показателей в тех сериях, датировки которых охватывают данный хронологический отрезок. Вклад выборки в характеристику конкретного периода был тем меньше, чем шире ее датировка. После расчетов проводился сравнительный анализ полученных показателей двух регионов.

История освоения русскими Сибири позволяет предполагать, что на всех этапах рассматриваемого периода именно миграционный фактор являлся определяющим основные различия между палеодемографическими характеристиками населения, проживавшего по разные стороны Урала. Половозрастной состав переселенцев имел свою специфику. По материалам начала XX века известно, что среди сибирских переселенцев преобладали подростки и молодые люди, а младенцы и старики составляли небольшую долю. На новом месте мигранты обзаводились большим числом детей [Демографическая история... 2017. С. 27-28]. Вероятно, эти наблюдения справедливы и для более ранних периодов.

Действительно, по полученным палеодемографическим показателям суммарные различия между европейскими и урало-сибирскими сериями заключаются преимущественно в высоком проценте детей и относительно низком проценте индивидов старше 50 лет в последних. Фактор сохранности (и, вероятно, обряда), безусловно, искажает долю детей в выборках, но выявленные различия, скорее всего, не случайны. Во-первых, они соответствуют ожидаемым тенденциям сочетания в группах сибирских переселенцев высокого уровня рождаемости и детской смертности. Во-вторых, эта особенность не является региональной. При разделении европейских выборок русских на две категории по принципу близости датировки скелетной серии ко времени основания поселения, обнаруживается та же закономерность – серии, предположительно включающие в свой состав первопоселенцев, содержат заметно более высокий процент детей.

Сравнение характеристик шести разных периодов показывает, что в сибирских сериях раннего времени (XVII в.) относительная доля мужчин в среднем в полтора раза выше, чем доля женщин (что вполне соответствует историческим источникам), и только в XIX в. соотношение полов становится примерно равным. Во второй половине XIX в. существенно увеличивается доля индивидов старшего возраста (50+). Причем последняя тенденция проявляется также и в европейской части. Возможно, это совпадение объясняется общим улучшением санитарных условий и медицинского обслуживания в конце XIX – начале XX столетия, хотя в Сибири различия выражены менее заметно. Более странным может показаться, что в европейской части заметное преобладание числа мужчин над женщинами прослеживается на протяжении всех трех столетий, а соотношение полов ближе всего к равному в первой половине XVIII в. Однако эти наблюдения опираются исключительно на данные по городским сериям (сельские группы представлены плохо), а следовательно могут объясняться особенностями состава постоянного и временного населения города.

Таким образом, с одной стороны, тенденции в изменчивости заведомо искаженных палеодемографических показателей находят объяснения в исторической демографии и социально-экономической истории России, с другой, при анализе скелетных серий поздних периодов особенно остро ощущается нехватка дополнительной контекстной информации.

Список литературы

Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.) // Советская этнография. 1982. № 4.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX - XX вв.). Новосибирск, 2017.

Кукушкин И.П. Вологодские напасти XV-XVII веков // Русская культура на рубеже веков. Вологда, 2002.

Черкасова М. С. Население Вологды в конце XVII века // ВОЛОГДА: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003.

Широбокров И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII-XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. 2019. №4.